

Шэнь Игуан опустил свою миску и посмотрел на Цяо Си с озадаченным выражением лица.

С тех пор как они вернулись от доктора Линя, Цяо Си был в этом рассеянном, отрешённом состоянии. Он не проронил ни слова и казался отсутствующим, чем бы ни занимался.

Как, например, эта тарелка тушёной капусты с редисом сегодня — он действительно пересолил. Было настолько солёно, что это было практически несъедобно. Но Шэнь Игуан... не осмеливался сказать ни слова.

В прошлый раз, когда он только упомянул, что блюдо слишком солёное, Цяо Си сразу же высмеял его, сказав, чтобы он сам готовил, если такой умелый. Он даже говорил такие вещи, как: «Парень, который умеет только открывать рот, чтобы есть, а не использовать руки, чтобы готовить, всё ещё имеет наглость ныть и придираться?» Он отчитал Шэнь Игуана так, что у того лицо покраснело и побледнело, и он даже не мог ответить.

Он тоже хотел бы готовить сам, но всякий раз, когда он вспоминал, как прожёт дыру в крыше, он не осмеливался больше ступить на кухню. С тех пор он опустил голову и молчал.

Горечь жизни под чужой крышей понимает только тот, кто через это прошёл. Как пить воду — только ты знаешь, тёплая она или холодная.

Шэнь Игуан держал свою миску и вздохнул, затем повернулся к Цэнь'эру и тихо спросил: «Что с ним такое?»

Настроение у него было такое плохое — может быть, Сяо Чжуцзы уже смертельно болен и ему не помочь лекарствами?

Цэнь'эр взглянул на Цяо Си, обнял свою миску и ответил таким же тихим голосом: «Я не знаю. Си-гэ, кажется, испугался».

«Кто его напугал?» — Шэнь Игуан был ещё более сбит с толку.

Он не хвастался, но... с характером Цяо Си, какой человек или что вообще могло бы его напугать?

Шэнь Игуан был абсолютно уверен, что даже если бы злобный призрак появился прямо перед ним, Цяо Си всё равно смог бы усмехнуться, поднять два кирпича с земли и броситься на призрака драться. Что вообще могло его напугать?

«За едой не разговаривают, за сном не говорят!» — Цяо Си нетерпеливо постучал по миске, передразнивая то, как Шэнь Игуан раньше ругал Цэнь'эра: «Вы двое можете замолчать!?»

Из-за раздражения Цяо Си стучал по миске быстро и сильно, так что даже после того, как он положил палочки, миска всё ещё слегка дрожала, издавая тихий гул «вун-вун-вун».

Цэнь'эр не осмелился больше сказать ни слова и спрятал своё маленькое лицо в миску, чтобы пить суп, совсем не похожий на будущего наследного принца государства.

Так не пойдёт.

Шэнь Игуан нахмурился.

Цэнь'эр однажды станет императором. Как он может быть таким слабым духом, таким пугливым, без малейших признаков властности?

В будущем, когда он будет каждый день присутствовать на утренних аудиенциях перед гражданскими и военными чиновниками, будет обычным делом, когда две фракции будут бесконечно спорить и оскорблять друг друга из-за разногласий во мнениях. Иногда это будет перерастать в групповые драки и взаимные побои. Если Цэнь'эр не сможет справиться с этим спокойно и сохранить своё достоинство, будет ли он всё ещё прятаться под тронном?

Он слегка кашлянул, намереваясь поднять боевой дух и лично научить Цэнь'эра сохранять самообладание перед лицом ситуаций и не паниковать, но вдруг заметил неприятное выражение лица Цяо Си.

..... Забудьте.

«Если хочешь говорить, говори громче. Чего ты там бормочешь?»

Шэнь Игуан тут же поджал губы и замолчал.

«Где моя суповая ложка?» — внезапно сказал Цяо Си, ища что-то. Шэнь Игуан тут же услужливо подал ему ложку, которую держал в руке.

Цяо Си взял её, поел супа и снова спросил: «Что ты только что сказал?»

Шэнь Игуан снова покачал головой, как погремушка.

«Тебе нужно, чтобы я надрал тебе уши?» — Цяо Си прищурился, глядя на него, и медленно спросил: «Я слышал, ты говорил что-то о том, что еда слишком солёная, а?»

«Как ты смеешь критиковать мою стряпню? Хочешь, чтобы я сказал тебе, где раки зимуют?»

Цэнь'эр тихо хихикнул, прикрывая рот рукой, но под строгим взглядом Цяо Си быстро опустил голову и сделал вид, что усердно ест.

«Нечего смеяться!»

Цяо Си посмотрел на пару — одного большого и одного маленького — и почувствовал, что его печень вот-вот лопнет от злости. Он глубоко вздохнул, чтобы успокоиться.

«Эй, я тебя спрашиваю. Что ты только что сказал?»

Шэнь Игуан взглянул на лицо Цяо Си, на миг задумался, затем пододвинул свою миску поближе к нему, набрал немного супа ложкой и с мягким видом предложил: «Вот, выпей ещё немного супа и успокойся...»

«Почему у тебя в миске столько кусочков мяса?!» — вдруг воскликнул Цяо Си. «А у меня только капуста и редис — где же справедливость?!»

«Всё, забирай свои вещи и вали отсюда!»

Он в гневе швырнул ложку в миску Шэнь Игуана.

Цяо Си: «.....»

Шэнь Игуан сдержал желание рассмеяться, слегка кашлянул и спросил: «Что тебя тревожит? Как состояние Сяо Чжуцзы?»

Услышав, что он упомянул Сяо Чжуцзы, выражение лица Цяо Си снова упало. Он вспомнил наказ доктора Линя никому не рассказывать, и он обещал хранить секрет, так что он никак не мог сказать Шэнь Игуану правду.

Но у него было много сомнений в душе, на которые кто-то должен был ответить. Доктор Линь рассказал ему многое, но он был слишком шокирован в то время и многого не понял. Он всё ещё хотел спросить снова.

«Ты... знаешь о Тянь Цянь и Ди Кунь?» — спросил он осторожно.

Шэнь Игуан кивнул: «Конечно».

Поскольку Цяо Си заговорил об этом, Шэнь Игуан быстро догадался: «Сяо Чжуцзы скоро должен инициироваться?»

«...Откуда ты знаешь!?» — Цяо Си нахмурился, гадая, не проговорился ли он случайно.

Шэнь Игуан, естественно, знал.

Между Тянь Цянь и Ди Кунь существует взаимное притяжение — это инстинкт. И источник их притяжения друг к другу — именно ароматы на их телах.

Обычно чем более совместимы ароматы, тем выше степень соответствия и тем глубже эмоциональная связь. Поэтому среди Тянь Цянь и Ди Кунь было много пар, чья любовь была глубокой и на всю жизнь, одна пара на всю жизнь.

Просто большинство высокопоставленных чиновников и богатых дворян не могли смириться с тем, чтобы отказаться от целого дома певчих птиц и ласточек, не желая делать выбор, вот и всё.

Несколько дней назад Шэнь Игуан уже остро уловил запах аромата инициации, исходящий от тела Сяо Чжуцзы. Это был очень слабый, очень слабый запах какого-то цветка, и так он это подтвердил.

Но он не мог рассказать Цяо Си правду об этих вещах. Тянь Цянь и Ди Кунь были очень редки в Великом Е. Тянь Цянь были либо необычайно сильны в боевых искусствах, либо исключительно остроумны в интеллекте. Их редко видели среди простолюдинов, и обычно они происходили из знатных семей — они никогда не были обычными людьми.

Именно из-за этого дядя Цинь смог догадаться, что он кто-то из двора, и притом немалого ранга, основываясь только на его навыках рукопашного боя.

Если бы Цяо Си узнал, что он Тянь Цянь, он определённо смог бы соединить все точки.

К счастью, человек нейтральной конституции обычно не мог учуять его запах ни с одной стороны, что облегчало Шэнь Игуану задачу скрываться.

«Я только слышал об этом», — успокоил его Шэнь Игуан. «У себя дома я видел многих Ди Кунь. Перед тем как они инициировались, у них всегда происходили определённые изменения. В прошлый раз, когда Сяо Чжуцзы приходил играть, я уже мог сказать».

Видя искренность в его глазах, Цяо Си не усомнился в нём и кивнул, сказав: «Тогда ты ни в коем случае никому не рассказывай!»

Шэнь Игуан согласился: «Конечно. Я тоже не хочу, чтобы этот ребёнок попал в беду».

«Просто как только он инициируется и его запах просочится, если он никогда не выйдет из дома, рано или поздно его раскроют».

Поскольку и у Тянь Цянь, и у Ди Кунь были свои периоды дождей и росы, и чем более совместимы были двое людей, тем более тесно совпадали их периоды дождей и росы. Если их совместимость была высока, они могли счастливо провести это время вместе.

С другой стороны, те, кто были одиноки или не имели пары, переживали это очень тяжело — особенно Ди Кунь.

Если бы Сяо Чжуцзы инициировался как Ди Кунь, то самое позднее в течение года у него наступил бы первый в жизни период дождей и росы, который обычно длился около трёх дней. Но с возрастом продолжительность этого периода увеличивалась бы год от года. Без Тянь Цянь, который был бы с ним в течение долгого времени, он мог бы умереть рано.

То же самое касалось и Тянь Цянь.

Однако Шэнь Игуан считался исключением среди них. Время его инициации было довольно неудачным.

В возрасте четырнадцати лет он внезапно инициировался на поле боя. Тогда всё его тело вздулось венами, глаза налились кровью, и он потерял всякий рассудок. Он в одиночку ворвался во вражеский лагерь, голыми руками убив десятки человек, всё его тело было залито кровью. В конце концов, он в замешательстве вышел из лагеря, волоча чью-то голову — чью именно, никто не знал — напугав бывшего императора, который в то время был с армией в походе, до полусмерти.

После того случая он больше никогда не ошибался, но и его период дождей и росы больше не наступал. Если бы не запах, который всё ещё присутствовал, он почти поверил бы, что он просто обычный нейтральный тип.

Бывший император, беспокоясь о его здоровье, неоднократно посылал имперских лекарей на границу проверить его пульс и снова и снова уговаривал его вернуться в столицу на лечение, боясь, что с ним что-то случится.

Но Шэнь Игуану всё это было совершенно безразлично. На самом деле он считал, что лучше не иметь периода дождей и росы. По крайней мере, ему не нужно было впадать в течку, как зверю, становясь агрессивным и причиняя боль людям. И его не привязывали бы на всю жизнь к какому-то человеку, которого он никогда не встречал, связанному чем-то таким иллюзорным и нематериальным, как так называемый аромат.

Он мог оставаться на границе долгое время, охраняя рубежи для Его Величества. В будущем он, возможно, даже сможет сопровождать кого-то, кто ему действительно нравится.

У Цяо Си тоже было печальное выражение лица, и он не мог не выругаться: «Это слишком несправедливо по отношению к Ди Кунь!»

Только когда он услышал, как доктор Линь рассказывает о положении Ди Кунь, Цяо Си по-

настоящему ощутил реалистичность пребывания в древние времена.

Быть запертым в высокой башне, обращённым в игрушку, запертым в ограниченном мире, никогда не обрести свободу на всю жизнь — разве это не была живая трагедия многих девушек в древние времена? Просто название изменилось, но по сути это было то же самое.

«Мир, пожирающий людей!» — чем больше он говорил, тем злее становился. Он сильно ударил по столу, расплескав немного супа из миски.

Шэнь Игуан посмотрел на него с глубоким смыслом и согласился: «Действительно».

Но в этом мире кого не пожирали?

Это была просто игра крупной рыбы, поедающей мелкую, вот и всё.

Это также было сожалением покойного императора при жизни. Из-за ситуации с его старшей сестрой бывший император чувствовал вину в душе и однажды подумывал изменить всё это. Но в молодости вся его энергия была истощена борьбой с этими татарами. Он только что смог обеспечить несколько лет мира, но умер, не успев действовать, и многие грандиозные амбиции и возвышенные идеалы остались нереализованными.

Таким образом, Шэнь Игуан возлагал свои надежды на Цэнь'эра.

У Цэнь'эра было доброе сердце, врождённая честность и прямота семьи Шэнь в крови, а также решительность и просвещённость Его Величества. Со временем и при правильном руководстве он определённо станет мудрым правителем своего поколения, не уступающим покойному императору.

Что касается Чжао Юя —

Шэнь Игуан никогда не возлагал на него надежд. Во время сильной засухи в Линьчжоу он скрыл это, не доложив, и втайне сговорился с местными чиновниками, чтобы присвоить средства помощи при бедствиях. Уже одного этого было достаточно, чтобы показать, что он определённо не идеальный выбор для императора.

Этот приём пищи прошёл под невыносимо тяжёлой атмосферой. Цяо Си, думая о будущих трудностях Сяо Чжуцзы, стоял во дворе, поднял голову к солнцу, протянул руки, долго смотрел в пустоту, а затем разочарованно опустил их, признаваясь себе, что он просто обычный человек.

Подумав об этом, это имело смысл. В своей прошлой жизни он так усердно боролся, чтобы выжить в городе из железобетона — теперь, когда он перенёсся в другой мир, мог ли он внезапно стать какой-то могущественной и влиятельной фигурой с дарованными титулами и властью?

Он был уверен, что не получил никаких сверхспособностей. Даже его личность была совершенно обычным Чжун Юн.

Что он вообще мог изменить? Если бы Сяо Чжуцзы действительно забрали, что бы он мог сделать?

Схватить ржавый топор для рубки дров и драться насмерть?

Цяо Си, который наполовину был сиротой по происхождению, имел очень сильный характер. Он никогда не тратил энергию на внутренние терзания, когда случались дела, и редко сетовал или предавался жалости к себе. Но сегодня он не мог успокоить свой разум из-за чужого дела — возможно, потому что он уже чувствовал здесь чувство принадлежности.

Шэнь Игуан, помыв посуду и выйдя, увидел Цяо Си, стоящего во дворе. Он не спешил его беспокоить. Скрестив руки, он прислонился к двери и молча наблюдал за ним.

Когда из уст Цяо Си вышли слова «мир, пожирающий людей», Шэнь Игуан оценил его ещё больше.

Если бы эти слова исходили от какого-нибудь великого конфуцианского учёного или образованного чиновника при дворе, Шэнь Игуан не был бы удивлён.

Но то, что они исходили от Цяо Си — деревенского жителя, которого все, включая его самого, считали «грубым и необразованным», кого-то неотёсанного — было поистине редкостью.

Надо знать, несправедливость в мире существовала с древних времён, но не все могли её осознать.

Живя в нынешнюю эпоху, больше людей были похожи на лягушек, которых медленно варят заживо — неосознанных, бессознательных, сбитых с толку до самой смерти.

Было также много тех, кто умирал, думая, что это потому, что они недостаточно усердно работали, или что они родились в неправильной семье, или выбрали неправильный путь в жизни, или по тысяче других странных и разнообразных причин.

Никто не задавался вопросом, был ли мир сам по себе неправильным с самого начала.

В домах великого богатства и знатного происхождения музыка и танцы никогда не прекращались; высокопоставленные чиновники и аристократы бесцеремонно унижали сыновей и дочерей хороших семей; могущественные кланы и знатные семьи безжалостно подавляли местных бедных учёных.

Никому не жилось хорошо. Все были мясом для мира, чтобы поживиться.

Шэнь Игуан, как тот, кто извлёк выгоду из власти и привилегий, родился в высоком ранге и наслаждался семью частями мирового богатства.

Но даже так, он всё равно не мог проглотить всё это. Вот почему он предпочитал оставаться на границе, свободно выпивая с толпой грубых солдат, чем возвращаться в столицу, чтобы общаться с этими хорошо одетыми сыновьями знатных семей.

Но Цяо Си был другим.

В его глазах Шэнь Игуан видел свет, не похожий ни на какой другой.

Если бы они действительно были друзьями, возможно, им было бы о чём поговорить.